

Д.Н. Гарлинский

**Мысли об армии. Армия и ее
живая сила. Общедоступное
изложение**

выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 355/359
ББК 68
Д11

Д11 **Д.Н. Гарлинский**
Мысли об армии. Армия и ее живая сила. Общедоступное изложение: выпуск
2 / Д.Н. Гарлинский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 122 с.

ISBN 978-5-458-06675-4

Война как источник жизни. Армия и ее живая сила. Устройство. Обучение
и воспитание. Война и бой как чистое искусство.

ISBN 978-5-458-06675-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Природа арміи.

Происхожденіе арміи.—Основой ея является доблесть чловѣка.—Стратегія и тактика только служатъ для ея наибольшаго выраженія.—Ошибочный взглядъ на это генерала Михневича.—Источникомъ доблести арміи является душа народа.—Цивилизація разрушаетъ характеръ народа.—Армія должна поэтому быть школой его.—Провести это въ жизнь народа можетъ только самодержавная власть Царя.—Самодержавіе и геній—двѣ тождественныя сущности.—Въ геніи и самодержавіи чловѣкъ поклоняется собственному величію.—Обаяніе личности Царя.—Чувство это закрѣпляется въ массахъ объектизаціей идей и чувствъ.—Торжественность обстановки этому помогать.

„Вавилоняне были доведены мною до необходимости ѣсть мясо своихъ сыновей и дочерей. Противившимся я вырывалъ языки и совершалъ ихъ погибель. И тѣмъ я радовалъ великихъ боговъ, господиновъ моихъ“.

Манифестъ Ассурбанапала послѣ разгрома Вавилона.

Могъ ли обходиться какой-либо народъ безъ арміи? По крайней мѣрѣ на протяженіи всей жизни чловѣчества исторія не знаетъ ни одного такого народа, который не имѣлъ бы у себя подобной организаціи.

Въ первобытную эпоху, конечно, каждый народъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и своей арміей. Войнами были всѣ могущіе носить оружіе и не только мужчины, но и женщины и даже дѣти. Инстинктъ войны у всѣхъ первобытныхъ народовъ былъ настолько сильно развитъ, а непрерывныя войны, охота и

суровый образъ жизни являлись такой натуральной школой, что о потребности въ какой бы то ни было организованной и обученной арміи, конечно, не могло быть и рѣчи: каждый крѣпкій тѣломъ и могучій духомъ человѣкъ былъ уже по праву своей организаціи, такъ сказать, и естественнымъ полководцемъ, а весь остальной людъ племени—его солдатами.

И сила такихъ народныхъ армій была неотразима. Достаточно вспомнить великое переселеніе народовъ въ Европѣ, которое не могла остановить даже многочисленная и искусная армія Римлянъ и которое, въ концѣ концовъ, разрушило ихъ міровую имперію, чтобы составить себѣ объ этомъ довольно ясное понятіе. Толпы, не организованныя и никѣмъ не обученныя, нападали сами на хорошо обученныя арміи и разбивали ихъ наголову, являя этимъ только лишнее доказательство тому, что въ военномъ искусствѣ все сводится, главнымъ образомъ, болѣе къ доблести человѣка, чѣмъ къ стратегіи и тактикѣ.

Правда, Аэцій, Римскій полководецъ, хотя и разбилъ на Каталунской равнинѣ Атиллу, предводителя Гунновъ, однако историкъ, говоря объ этомъ событіи, тѣмъ не менѣе совершенно ясно подчеркиваетъ и тутъ роль человѣческой доблести.

«Аэцію, въ этомъ случаѣ»,—говоритъ онъ,—«помогло военное искусство Римлянъ и храбрость Вестготовъ». Конечно ему, какъ Римскому патріоту, было бы неудобно поставить храбрость Вестготовъ на первомъ мѣстѣ, если бы даже она и была основнымъ условіемъ успѣха этого боя. Съ другой стороны, въ силу того же соображенія, онъ никогда бы о ней даже и не вспомнилъ, если бы въ дѣйствительности не ей одной—этой храбрости Вестготовъ—были, въ сущности, Римляне обязаны своей побѣдой.

Сдѣлать человѣка доблестнымъ—вотъ къ чему сводилась, обыкновенно, главная и самая трудная задача военного искусства во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Всѣ великіе полководцы и отличались отъ обыкновенныхъ

смертныхъ главнымъ образомъ только тѣмъ, что имѣли особое дарованіе создавать и притомъ въ самый короткій срокъ могучую тѣломъ и духомъ армію. Въ этомъ все. Что касается стратегіи и тактики, то это были и будутъ только простые статисты и декорація на той самой сценѣ, гдѣ главная роль всегда принадлежала и будетъ принадлежать во все времена прежде всего доблести человѣка и его дарованіямъ.

Вспомнимъ только побѣду при Адуѣ дикихъ Абиссинцевъ, надъ культурными Итальянцами уже въ позднѣйшую эпоху, чтобы мы не усумнились въ этомъ ни на минуту.

Эти статисты, какъ и декорація, могутъ постоянно мѣнять свои мѣста, цвѣта и костюмы, въ зависимости отъ случайности и эпохи, чтобы помогать актерамъ выразить еще ярче свои способности, но самимъ имъ, безъ таланта актеровъ и ихъ доблести, суждено навѣки остаться только безжизненной обстановкой.

Да не подумаетъ читатель, что я этимъ совершенно отрицаю значеніе стратегіи и тактики. Ничуть не бывало. Я только разъ и навсегда отказываюсь эти явленія войны и боя ставить выше человѣческой доблести, какъ это очевидно старается устанавливать на страницахъ своей «Исторія Военнаго Искусства» ¹⁾ генераль Михневичъ.

«Все, что не доработано политикой», — говоритъ онъ, — «должна додѣлать стратегія. Слабая стратегія наваливаетъ лишнюю работу на плечи тактики, а если тактика окажется не на высотѣ своего значенія — придется замѣнять доблестью солдата».

Такимъ образомъ доблести солдата и, конечно, офицера по этой мысли генерала, какъ вы видите, отводится послѣднее мѣсто. По его мнѣнію главное—это политика, затѣмъ стратегія и наконецъ тактика, а уже потомъ, когда все это окажется несостоятельнымъ, нужно обратиться къ доблести войска. Другими словами: если хороша политика, то не придется

¹⁾ Стр. 519.

воевать; прекрасная стратегія можетъ закончитьъ войну безъ боя, а превосходная тактика дать выигрышъ бою и безъ солдатской доблести.

Вотъ поистинѣ удивительная философія въ области военного искусства!

Правда въ введеніи къ своей книгѣ генераль отдаетъ первенство «нравственнымъ ¹⁾ качествамъ воиновъ», — но какъ же тогда согласовать начало и конецъ его, во всякомъ случаѣ, очень цѣнной, какъ справочная книжка, работы?

Очевидно, генераль Михневичъ не только самъ вѣритъ, но старается увѣрить и своихъ читателей, что Александръ Македонскій разрушилъ Персію, Ганнибалъ билъ Римлянъ и Юлій Цезарь завоевалъ Галлію только потому, что эти полководцы дали извѣстные образцы стратегіи и тактики. Онъ ничего рѣшительно другого не желаетъ замѣтить. А между тѣмъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ исторія съ поразительной ясностью поддерживаетъ: во-первыхъ, талантливость и необычайную обаятельность этихъ личностей, а также умѣніе ихъ довести доблести своихъ армій до наивысшаго предѣла, и, во-вторыхъ, полную противоположность въ этомъ отношеніи ихъ противниковъ. Въ этомъ все.

Талантливый Александръ Македонскій имѣлъ противъ себя совершенно бездарнаго Дарія, Ганнибалъ — несомнѣнно уже ослабѣвшихъ Римлянъ, а Юлій Цезарь — разрозненныхъ Галловъ. Когда Ганнибалъ потерялъ въ Италіи свою героическую армію, то, сохраняя всю свою талантливость полководца, онъ тѣмъ не менѣе былъ разбитъ наголову Сципіономъ, который былъ далеко ниже его какъ полководецъ, но зато имѣлъ лучшихъ солдатъ, воспитанныхъ пятнадцатилѣтней борьбой Римлянъ съ тѣмъ же Ганнибаломъ.

Когда среди галловъ появился болѣе или менѣе талантливый предводитель въ лицѣ Верцингеторикса, то Юлій Цезарь уже началъ чувствовать себя скверно, и если бы этотъ Галль ока-

¹⁾ Вѣроятно, духовнымъ, психическимъ.

зался немного болѣе талантливымъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, то онъ, несомнѣнно, разбилъ бы Цезаря, — и тогда историки говорили бы потомству не о талантливости полководца Римлянъ, а о геніальности Верцингеторикса, — и стратегія этого послѣдняго, вмѣстѣ съ его тактикой, введена была бы въ нашъ курсъ «Исторіи Военнаго Искусства», какъ его удивительные образцы.

Точно также сдача Австрійцевъ подъ Ульмомъ и разгромъ союзниковъ подъ Аустерлицемъ явились послѣдствіемъ не геніальной стратегіи и тактики Наполеона, а полной бездарности Макка въ первомъ случаѣ и такой же неспособности союзниковъ во второмъ.

Не будь этого, и если бы Наполеонъ встрѣтилъ въ лицѣ Макка болѣе талантливаго полководца, то послѣдній могъ навѣрняка разбить колонны Французовъ по частямъ, — и автору «Исторіи Военнаго Искусства» пришлось бы тогда только съ грустью констатировать опасность раздѣленія колоннъ, при стратегическомъ наступленіи, болѣе чѣмъ на полперехода.

Но развѣ вся кампанія Наполеона въ 1812 году не потерпѣла краха только потому, что онъ натолкнулся на необычайную стойкость русскихъ войскъ и твердость ихъ Императора. Вѣдь оказались то и другое болѣе податливымъ, — и Наполеонъ, занявъ Москву и заключивъ немедленно выгодный для себя миръ, возвратился бы въ Парижъ еще болѣе украшенный лаврами геніальности, чѣмъ когда бы то ни было, и его походъ на Москву разсматривался бы теоріей военнаго искусства какъ одно изъ геніальнѣйшихъ проявленій его творчества.

Теперь же это самое искусство смотреть на кампанію 1812 года только съ сожалѣніемъ, какъ на эпоху упадка творчества великаго полководца.

То, что теперь генераль Михневичъ разсматриваетъ какъ геніальное творчество въ области военнаго искусства, то во второмъ случаѣ имъ самимъ выставлялось бы навѣрное какъ образецъ бездарности.

Развѣ незабвенному Суворову не удавались такія предпріятія, которыя, по формѣ своего исполненія, нарушали всѣ принципы военного искусства,—и въ рукахъ менѣе талантливаго полководца неминуемо привели бы его къ полному краху?

Впрочемъ, объ иллюзорности нашихъ представленій о стратегіи и тактики, я выскажусь болѣе подробно, когда буду говорить о войнѣ и боѣ какъ продуктахъ только чистаго искусства.

Такимъ образомъ доблесть полководца, доблесть офицера и солдата—вотъ что составляетъ силу всякой арміи гораздо болѣе, чѣмъ тѣ стратегическія или тактическія формы, въ которыя эту доблесть старается облечь эпоха.

Но откуда же армія можетъ приобрѣсть эту доблесть, изъ какого источника она можетъ ее почерпать?

Отвѣтъ конечно можетъ быть только одинъ — *изъ души своего народа, выразителемъ котораго она является.*

Армія Персовъ была поразительно лишена этой доблести, представляя типъ настоящаго стада, согнаннаго по волѣ Дарія не для войны, не для боя, на которые она несомнѣнно была неспособна, а лишь для того, чтобы еще лишній разъ напомнить человѣку, что тѣло безъ духа—это только мертвая матерія. Громадная армія Дарія была въ сущности лишь той кучей песку, которую даже легкій порывъ вѣтра способенъ былъ всегда разметать по сторонамъ или перенести на другое мѣсто.

Завоевавъ Ассирію и Вавилонъ и подчинивъ себѣ всю Переднюю Азію и Египеть, Персы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій оставались совершенно бездѣтельными и, перенявъ отъ завоеванныхъ ими народовъ ихъ цивилизацію, вмѣстѣ съ нею впитали въ себя и ея ядовитыя испаренія—изнѣженность и роскошь. Ихъ нѣкогда могучія военныя учрежденія, основанныя на суровомъ воспитаніи всего народа, постепенно разрушились,—и героическая личность суроваго война была за-

мѣнена типомъ коварнаго, льстиваго и изнѣженнаго Восточнаго царедворца,—и Персія пала.

«Если судить о важности различныхъ элементовъ цивилизаціи съ чисто утилитарной точки зрѣнія»,—говорить Лебонъ,—«то пришлось бы сказать, что самые важные элементы тѣ, которые даютъ возможность одному народу поработать другіе, т.-е. военныя учрежденія» ¹⁾).

Народы, обладавшіе неисчислимыми богатствами и достигавшіе, нерѣдко, высокой степени развитія наукъ и искусствъ, становились тѣмъ скорѣе добычею своихъ менѣе цивилизованныхъ сосѣдей, чѣмъ болѣе ослабляли они вниманіе свое къ арміи.

Армія не только оберегала народъ отъ разрушенія извнѣ, она вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря суровому своему воспитанію, нейтрализовала и то разлагающее вліяніе, которое неизмѣнно оказываетъ на него цивилизація.

Воспитаніе арміи у сильныхъ жизненныхъ расъ было всегда тѣсно связано съ воспитаніемъ всего народа, и на своихъ знаменахъ или орлахъ армія всегда носила не только доблесть свою, но и доблести своей націи.

И дѣйствительно, вся исторія древнихъ, могучихъ народовъ является тому непосредственнымъ доказательствомъ. И громадныя государства передней Азіи, и героическая Греція, и могучій Римъ, и не менѣе могучій и богатый Кароагенъ сходили съ исторической сцены одинъ за другимъ, то трагически, то засыпая медленно летаргическимъ сномъ тотчасъ, какъ только доблесть арміи ихъ, а съ нею и доблесть и идеалы всего народа начинали разрушаться. Вспомнимъ также современный Китай, гдѣ презрѣніе къ арміи довело до полнаго безсилія огромное многомилліонное государство, готовое подчиниться чужой волѣ при первомъ ударѣ судьбы. И если этого не случилось, то во всякомъ случаѣ виноваты въ этомъ гео-

¹⁾ Лебонъ. «Психологія народовъ и массъ», стр. 75.

графія и современная политика гораздо болѣе, чѣмъ непослѣдовательность естественныхъ законовъ.

Такимъ образомъ мы не должны сомнѣваться ни на минуту, что ни искусство, ни промышленность, ни богатство или численность народа опредѣляютъ его могущество и долговѣчность, а только его армія, которая и является безошибочнымъ барометромъ, показывающимъ его силу и его неизмѣнность.

Вотъ почему, конечно, армія должна быть учрежденіемъ исключительно расовымъ и составлять неусыпную заботу каждаго народа, желающаго извлечь изъ исторіи умершихъ какую-нибудь пользу для живущихъ.

Однако полагать, что народъ самъ собою будетъ неослабно заботиться объ арміи и поддерживать на возможной высотѣ ея доблести, мы не имѣемъ положительно никакого основанія. Опытъ исторіи и психологіи народовъ говоритъ скорѣе о противномъ.

Древніе народы Передней Азіи теряли армію, предаваясь изнѣженности и роскоши; Картегеняне забыли о ней увлекаясь наживой, а Китайцы забросили ее подъ вліяніемъ морали буддизма.

Точно также армію современной Франціи несомнѣнно ослабляетъ и разрушаетъ съ согласія народа социализмъ, а Американскіе С. Штаты, въ погонѣ за наживой, кажется совсѣмъ не желаютъ имѣть арміи, какъ почти не имѣетъ ея и Мексика, вслѣдствіе республиканскаго режима. Подъ вліяніемъ скрытыхъ и явныхъ идей социализма, начавшихъ снова, послѣ нѣкоторой передышки, создавать идеалы европейскимъ народамъ, гдѣ всеобщему равенству и таковому же братству отводится первенствующее мѣсто, идея арміи, какъ эмблема силы и націонализма, мѣшающихъ осуществленію этихъ идеаловъ, не можетъ встрѣтить какого-либо сочувствія народныхъ массъ. *Мы можемъ скорѣе ожидать, что вся борьба социализма съ государственной властью будетъ теперь направлена исключительно на разрушеніе идеи арміи, ослабленіе ея идеаловъ, другими словами, на приведеніе ея въ полную негодность, ибо*

вожаки соціалізма не могли не замѣтить, что широкой пропагандѣ ихъ ученія, какъ и его осуществленію, мѣшаетъ, главнымъ образомъ, только существованіе прочныхъ армій.

Этого обстоятельства мы должны особенно бояться и всѣми мѣрами стараться уберечь армию отъ вліянія на нее соціализма,—вліянія, иногда такъ скрытаго или замаскированнаго элементами справедливости и желаніемъ какъ бы блага самой арміи, что распознать его бываетъ иногда весьма трудно. Это даже зачастую бываетъ вліяніе не прямое, не сознательное, а лишь простые рефлексы, создаваемые подражаніемъ и модой,—однако оно является столько же вреднымъ, какъ и первое, если не болѣе, такъ какъ съ прямымъ вліяніемъ, какъ врагомъ явнымъ, мы можемъ бороться гораздо успѣшнѣе, чѣмъ со вторымъ—врагомъ тайнымъ. Кромѣ того въ государствахъ, составленныхъ, подобно нашему, изъ многихъ побѣжденныхъ народовъ, помимо соціализма, *разрушенію идеи арміи и ея идеаловъ будетъ несомнѣнно способствовать и это обстоятельство, особенно когда при представительномъ строе инородцы прямо или косвенно будутъ вліять на ея организацію и воспитаніе.*

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, армія должна быть такъ руководима и воспитываема, чтобы не только могла защищать государство отъ напора сосѣдей, но вмѣстѣ съ тѣмъ стала бы и могучей школой для своего народа, откуда послѣдній и долженъ постоянно черпать силы для поддержанія и даже развитія у себя характера и возвышенныхъ чувствъ.

У государствъ древняго міра, въ эпоху ихъ высшаго расцвѣта, самъ народъ дарилъ арміи ея характеръ и ея доблесть; теперь же, когда всѣ націи, приобщившіяся къ цивилизаціи, подчиняясь ея ядовитому дыханью, начали безусловно разлагаться и портить свой характеръ, теряя героизмъ и возвышенные чувства, роли должны перемѣниться,—и армія должна стать уже настоящей школой для народа.

То, что не можетъ сдѣлать съ массами наилучшая государственность, то, вѣдь сомнѣнія, путемъ внушенія и подра-

жанія, легко достигнеть своимъ вліяніемъ армія, какъ организмъ, поддающийся самой строгой организаціи и контролю: ея суровая бытовая обстановка, полная жизненной правды, гдѣ справедливость, честность и право не будутъ уже подвергаться сомнѣнію или осмѣянію; ея простота жизни, гдѣ роскошь и излишества будутъ считаться всегда пороками; наконецъ, ея твердые и ясные идеалы, гдѣ любовь къ Царю и вѣра въ его правду становятся основой міровоззрѣнія каждаго воина, должны ненарушимо и цѣликомъ пересаживаться изъ арміи въ душу всего народа и восстанавливать собою то разрушеніе въ ея сознаниі, которое внѣ всякаго сомнѣнія производитъ цивилизація.

Чѣмъ съ большимъ упорствомъ народъ будетъ сопротивляться дурнымъ началамъ цивилизаціи, тѣмъ благотворнѣе на него будутъ вліять хорошія, и тѣмъ онъ будетъ сильнѣе и долговѣчнѣе.

Вотъ особенно важное, послѣ войны, значеніе арміи, сущностью котораго должны быть проникнуты всѣ безъ исключенія слои ея—отъ рядового до генерала.

Только тогда душа народа и душа арміи будутъ биться однимъ пульсомъ; только тогда народъ будетъ обожать и цѣнить свою армію и отдавать на ея содержаніе плоды рукъ своихъ не съ сожалѣніемъ, не съ упрекомъ, а съ любовью и радостью, видя въ ней прямой залогъ своего собственнаго процвѣтанія и могущества.

И тотъ народъ, который уразумѣетъ эту простую истину и осуществитъ ее въ своей жизни, достигнеть, несомнѣнно, царственнаго величія.

Однако, какъ я показаль прежде, трудно ожидать, чтобы самъ народъ нашелъ въ себѣ столько предвидѣнія и характера, чтобы могъ самостоятельно поставить армію въ такія условія. Обыкновенно въ своемъ прогрессѣ человѣческія общества стремятся слѣдовать по линіи наименьшаго сопротивленія, оказываемаго средой инстинктамъ и чувствамъ, гдѣ направляющими мотивами являются мода и подражаніе. *Все то, что достается намъ съ трудомъ; все,—что отодвигаетъ наши идеалы на зна-*